

Наталья ЛАЙДИНЕН, Григорий РЫСКИН

г. Москва

США

ФРАГМЕНТАРНОСТЬ СУДЬБЫ

Беседа с Григорием Рыскиным о творческом и человеческом пути Сергея Довлатова

В прошлом году в России, США, Эстонии широко отмечался юбилей русского писателя Сергея Довлатова. Сейчас, когда закончились торжества, приходит время серьезного анализа, глубоких воспоминаний, не приуроченных к круглой дате, а необходимых для того, чтобы собрать полный и достоверный материал о жизни и творчестве литератора.

Его судьба преломилась во многих зеркалах, еще живы его близкие, коллеги по работе, друзья. Их память хранит множество неожиданных эпизодов, из которых складывается причудливая мозаика довлатовской жизни. Фигура любого художника противоречива и неоднозначна, тем важнее показать его с разных сторон, в восприятии разных людей.

В США, в Джерси-сити, уже тридцать пять лет живет и работает Григорий Исаакович Рыскин, коллега Сергея Довлатова по изданию газеты «Русский американец». Жизнь Рыскина была сложной и вместила в себя трудное военное детство, преподавание в колонии для несовершеннолетних преступников, работу завучем в школе и разнообразный журналистский и писательский опыт. Америка, куда Рыскин устремился вслед за Довлатовым и многими другими представителями поколения диссидентов в надежде на свободу жизни и творчества, встретила холодно: Григорий побывал в шкуре разнорабочего, таксиста, грузчика, массажиста... При этом не утратил оптимизма, фантастической работоспособности, яркости и язвительности пера. В его доме, за-

полненном книгами, как будто застыла интеллигентская атмосфера Ленинграда семидесятых.

Сегодня Рыскин много работает: занимается литературной критикой, готовит к переизданию подборку эссе разных лет, штудирует мировую классику. Суждения и оценки Рыскина порой очень критичны, остры, парадоксальны, но этим – интригующе-интересны. Он всегда готов поделиться удивительными историями жизни, сводившими его с самыми известными представителями поколения – Довлатовым, Бродским, Померанцем, Рождественским...

Но до сих пор самые яркие эпизоды воспоминаний связаны с его периодом работы в «Новом американце», который возглавлял Сергей Донатович Довлатов. По словам Рыскина, это был «самый задушевный период» эмиграции, интересный и захватывающий. О нем Григорий Исаакович написал повесть «Газетчик», где все персонажи (Вайль, Генис, Орлов) – абсолютно узнаваемы, точно шагнули на страницы непосредственно из редакции. Общались Рыскин с Довлатовым и за пределами «журналистской кухни», обсуждали не только творческие вопросы, но и многие мировоззренческие. Как результат дискуссий и осмыслений появилось эссе Рыскина «Довлатов и еврейство».

Об особенностях работы под творческим руководством Довлатова, человеческом общении с ним мы поговорили с Григорием Исааковичем в Джерси-сити.

– Григорий Исаакович, Вас радует то, что юбилей Довлатова достаточно широко отмечался в русскоязычном мире? Означает ли это, на Ваш взгляд, то, что его творчество сегодня вновь востребовано и актуально?

– К несчастью, все повторяется в этой жизни: у нас в России любовью могут удушить. Мы уже наблюдали такое в связи с юбилеями Пушкина, Ахматовой, Пастернака. Теперь еще раз в этом все убедились на примере юбилея Довлатова, отмечавшегося 3 сентября. Как и многие другие юбилеи, он обернулся фонтанирующей пошлостью. Отрадно, что проходят довлатовские недели, устраиваются литературные чтения и мероприятия. Неожиданно у Сергея появилось громадное количество друзей, одна за одной публикуются статьи и книги воспоминаний. Ему предлагается поставить памятник. Довлатов во всеуслышание объявлен классиком, его произведения включены в учебные программы. Я бы сказал, что сегодня мы наблюдаем такое явление, как довлатомания. Невольно мне вспоминается фраза из Маяковского: «не юбилейте»!..

Но попробуем заглянуть в глубь происходящего. При всей шумихе и пафосе никто не анализирует его творчество всерьез, не говорит о том, что Довлатов – прежде всего художник, непревзойденный мастер словесных формулировок. Вспомним самого главного русского формалиста В.Шкловского: он утверждал, что литература способна останавливать и запечатлевать мгновения жизни. Именно с этого она начинается и у Довлатова, в этом – главное искусство слова.

– Как бы Вы объяснили, в чем именно заключается это самое искусство запечатлевать мгновения жизни?

– Вспомните блистательное описание Л.Толстого из «Воскресения»: «Катюша, сияя улыбкой и черными, как мокрая смородина, глазами, летела ему навстречу». Или цитату из Бунина: «И прохладную тишину утра нарушает только сытое квохтание дроздов». Какая полнота образа, точность формулировок и языка, эмоциональная насыщенность! Довлатов движется в русле этой русской литературной традиции. Его искусство в том, что он умеет останавливать и запечатлевать мгновения жизни. Именно это высокое художественное качество довлатовской прозы отмечает А.Генис в книге «Довлатов и окрестности».

Приведу конкретный, очень жизненный пример мастерского владения словом. Во вступлении к повести Довлатова «Иностранка» есть предложение: «Вот разъезжаются наши таксисты... Все они коренастые, хмурые, решительные». Казалось бы, что тут особенного, но филигранность фразы такова, что человек со вкусом и жизненным опытом сразу почувствует абсолютную точность этой словесной формулировки. Я сам работал таксистом и могу изнутри оценить глубину довлатовского описания. Все просто: для того чтобы отсидеть 12-14 часов в арендованном желтом кэбе, таскать в аэропорту чемоданы, желательно быть коренастым. Таксист – это человек, которому больше идти некуда. Он соглашается на тяжелую работу в страшном ночном городе, осознавая, что его в любую минуту могут элементарно пришить или ограбить в машине. Радоваться тут нечему, поэтому таксисты все хмурые. В таксисты шли только решительные люди, те, кто был готов справляться с трудностями. В трех словах – реальные характеры и жизни. При этом обратите внимание на звукопись фразы!..

– Трудно ли было работать под руководством мастера слова в «Новом американце»? Требовал ли он от сотрудников такого же совершенства в написании материалов?

– Мне довелось проработать с Довлатовым несколько лет в газете «Новый американец», и я многому у него научился. Довлатов был перфекционист: для него не было разницы между колонкой редактора, репортажем, рассказом. Для него все это было – искусством слова. Интересный момент: даже личные письма он писал под копирку и с черновиками!

Как редактор он полностью отражал явление, которое называется «играющий тренер». Его колонки редактора были образцом безупречной прозы, глубоко ответственного отношения к слову. Редакционные летучки, еженедельные обзоры номеров превращались в остроумные импровизации, во время которых он казнил нас за каждую стилистическую несообразность и погрешность. Это было то, что на факультетах журналистики называется мастер-классом. Послушать Довлатова собирались все, у кого была такая возможность! Авторов он не щадил, для каждого у него были меткие характеристики. Например, про меня он говорил: «Рыскин пишет

с завываниями». Но не было большей радости, чем оказаться в редакции на доске лучших! Это означало самую высокую оценку Довлатова, мы этим гордились.

– *Согласны ли Вы с тем, что сегодня Довлатова все чаще называют классиком русской литературы?*

– Рискну вновь вызвать огонь на себя и сказать, что все-таки Довлатов не классик. Я думаю, что его проза – это уровень Тэффи, раннего Чехова, Антоши Чехонте. Постараюсь объяснить свою позицию. На мой взгляд, в его текстах нет того, что делает литератора большим писателем. Довлатов – отрадное явление, но суть его можно передать словами Флобера о Беранже из произведения «Каменный идол»: «Я люблю Беранже. Это большой поэт, но беда его в том, что уже многие годы он работает на вкусы приказчиков из мелочных лавок и провинциальных модисток». Так сложилось, что сегодня Довлатов – кумир либерально-интеллигентской аудитории. Раскроем его книги. О чем пишет Довлатов? О русском крестьянине? Он его отродясь живого не видел. О драме эмиграции? И об этом тоже всерьез ничего нет, поскольку горького эмигрантского пороха Сергей толком не понюхал. Его сразу выбросило на русскоязычный умеренно хлебный островок. Прожив в Америке многие годы, он не написал ничего серьезного об этой стране, о ее проблемах, кризисе американской цивилизации, реальном состоянии эмиграции. Вспомним Герцена и его описание лондонской жизни: «Масса спасается завоевыванием себе насущного хлеба, купцы – недосугом стяжания, все – суетой дел; но нервные, романтические натуры, любящие жить на людях, умственно тянущаяся и праздно млет, пропадают здесь со скуки, впадают в отчаяние». Именно это приключилось с Довлатовым.

А дальше создавалась классическая легенда. Вот цитата из письма Курта Воннегута, адресованного Довлатову: «Вы разбили мое сердце. Я родился в этой стране, бесстрашно служил ей во время войны, но так и не сумел продать ни одного своего рассказа в журнал «Нью-Йоркер». А теперь приезжаете вы, и – бах! – ваш рассказ сразу же печатают. Что-то странное творится, доложу я вам...» Но посмотрим, что именно из довлатовской прозы было опубликовано в «Нью-Йоркере»: рассказы о работе в таллиннской га-

зете, о легкой веселенькой журналистской тусовке, все, что казалось приемлемым для американского читателя. В таком издании никогда не переведут и не напечатают шаламовские «Колымские рассказы». И даже «Зону» Довлатова там не станут публиковать – это уже читателю не интересно. Похожая ситуация происходит сегодня в России. Успех Довлатова среди массового читателя несомненен. Но трагедия Довлатова как писателя в том, что в произведениях он не затрагивает глубины бытия, в его творчестве не пульсируют потаенные жилы эгосоциальных смыслов. Характерно, что как писатель он не создал ни одного действительно масштабного произведения.

Интересна еврейская тема в творчестве Довлатова. Он не отказывался от своего еврейства, хотя и не был филосемитом. В рассказах таллиннского цикла много персонажей-евреев, он относится к ним с симпатией. В книге «Наши» он описывает прадеда Моисея, который, кстати, был крестьянином и отрещивался от еврейства. Тема эта в творчестве писателя сквозная, он создает целую менделеевскую таблицу еврейских типов. Но в их раскрытии нет глубины повествования, рассказа о традициях, обращения к Торе... Проза Довлатова во многом фрагментарна и не имеет эпической широты охвата проблем и явлений.

– *Тем не менее как в эмигрантской среде, так и в Советском Союзе его произведения пользовались неизменным успехом...*

– В этом сыграли свою роль несколько обстоятельств: в первую очередь – его работа на радио «Свобода». Его обаятельный баритон звучал на одну шестую часть суши. О чем бы он ни говорил – все воспринималось на «ура» благодаря его голосу и тембру. Он понимал, что иногда сообщает полную чушь, но говорил, что сберегает свои силы для главного. Для «Свободы» он всегда писал быстро, практически не вычитывая материал.

Во-вторых, вокруг Довлатова сложилась сильная референтная группа, в которую входили такие яркие личности, как Бродский, члены редакции журнала «Звезда», где он широко печатался.

Будучи человеком физически грандиозным, он написал поразительно мало. Сам это понимал, страдал от этого. Я бы сказал, что его литературное творчество обратно пропорционально его росту. Из настоящих рассказов Довлатова мож-

но оставить небольшую книгу. Все остальное – блестящая журналистика. Довлатов просто описывает свою жизнь, зачастую его произведения – всего лишь записные книжки, наброски.

– Считаете ли Вы, что это связано в первую очередь с отрывом от литературных корней, тем, что творчество Довлатова развивалось в американской реальности или были другие причины?

– Не берусь фантазировать и предполагать, что было бы с Довлатовым как писателем, останься он в Советском Союзе. Думаю, сценарии могли быть разные. Довлатов не был диссидентом, он утверждал, что антикоммунизм – это тоже идеология. Поэтому его отъезд был связан со многими мотивами. Иногда диссидентство – просто возможность заполнить внутреннюю пустоту, форма самоутверждения, возможность заявить о себе.

Но эмиграция для Довлатова, как для большинства русских писателей, – это подлинная трагедия, ведущая к потере языка, статуса, родной культуры. Это настоящий призыв к самоубийству. Обратите внимание, сколько страшных историй случилось с русскими творческими людьми в США. На моих глазах несколько ближайших друзей покончили с собой. Повесился Яков Винковецкий, один из самых светлых умов нашего эмигрантского поколения. Скажу больше: у нас в «Новом американце» даже существовала рубрика «Ушел в подвал и не вернулся». Почти в каждом номере мы сообщали о преждевременном уходе кого-то из наших коллег и знакомых. Эмиграция – тяжелое испытание для души писателя. Зачастую, пытаясь адаптироваться к новой жизни, люди непосильно работали, занимались не своим делом, страдали, получали инфаркты, умирали от сердечной недостаточности. Как мог писатель, которого сегодня считают классиком, не отразить этого в своем творчестве? В произведениях Довлатова нет трагедии русской эмиграции, столь масштабно выраженной в книгах Бунина, Набокова...

– То есть Вы считаете, что эмиграция стала для Довлатова именно трагедией?

– Юнна Мориц, гостившая однажды у Сергея, написала такие стихи о нем, отразившие самую суть:

*Он хочет холодного пива,
Коньяк тошнотворен в жару,
Он радости хочет прорыва
Сквозь пошлых кошмаров муру.
Долги ему жизнь осложняют,
И нету имения в заклад.
И плохо себе представляют
Друзья его внутренний ад.*

Эмиграция для каждого мыслящего человека – «внутренний ад». Особенно для писателя, гуманитария, человека с тонкой духовной организацией. Этот пресловутый «внутренний ад» совершенно очевиден в переписке с И.Ефимовым в недавно изданной книге «Эпистолярный роман с Довлатовым». Он отразился в страшных запоях Сергея, из которых он выходил с огромным трудом. Но в произведениях Довлатова эта драма не отражена. Вдумаемся, о чем он пишет: о таракане, о собаке Глаше, о матриархате в эмигрантских семьях, где женщина работает, а мужчина лежит на диване, хотя все мужчины, которых я знал, – доктора наук, инженеры, врачи, первыми выходили на линию огня и сражались за жизнь семьи. Работали таксистами, малярами, массажистами. Довлатов сам был вынужден идти на многие компромиссы: он лично за гроши продавал свои книги, у него болела голова от том, что не было денег, медицинской страховки... Он переживал глубокий душевный и творческий кризис.

В своих произведениях Довлатов смотрит на всех с невысокой колокольни и изображает преимущественно узкий литературно-журналистский мирок с его нравами, не выходит за его пределы. И, возможно, главная его трагедия заключается в том, что его произведения так и не стали подлинным зеркалом, увеличительным стеклом, выпукло и полно отражающим многообразное явление эмиграции.

– А каким Довлатов запомнился Вам в личном общении?

– Дело в том, что я всегда смотрел на него снизу вверх, с некоторым страхом: я был ростом с его огромную джинсовую ногу. Он был обаятельным, высоким, красивым, гостеприимным, щедрым, остроумным, прекрасным рассказчиком с хорошо поставленным дикторским баритоном, артистичным, широким. Очень харизматичный был человек, женщины от него всюду млели и

сходили с ума. Громадный, с выразительными глазами, он был похож на актера Омара Шарифа. При этом в личном общении он был совершенно непредсказуемым. Когда «Новый американец» был приобретен новым владельцем, который настаивал на том, чтобы в газете было больше рекламных материалов, Довлатов ушел с должности редактора и был крайне обижен, что Генис, Вайль и я не последовали за ним, а продолжили работу в издании. Он считал это предательством.

Однажды я делал ремонт у него дома. Чтобы заработать, я не гнушался любого труда и занялся к Довлатову маляром. Так я провел в его доме две недели, он принимал меня очень гостеприимно. Каждый день мы выходили с ним во двор, садились под развесистое дерево, он вываливал на газету целый стог сосисок, выставлял дюжину бутылок пива, и мы пиروвали. При этом он обязательно сообщал проходящей мимо публике: это известный публицист Григорий Рыскин, в данный момент он делает у меня ремонт. Я помню, что попросил у него заплатить мне за работу 400 долларов, а он заплатил 450. Правда, после этого каждому говорил обо мне уже другое: публицист Рыскин сделал у меня отвратительный ремонт и при этом съел все запасы продовольствия в доме! А в письмах Ефи-

мову он отзывается обо мне как о распространителе слухов о том, что его дочь на самом деле – дочь Аксенова...

«Широк русский человек, – писал Достоевский. – Я бы его обузил». Довлатов был в полном смысле слова – человек широкий, сложный, неуемный, противоречивый, совсем не такой однозначный и понятный, каким его сегодня изображают во время юбилеев.

В своих произведениях Довлатов выражает поколение, которое дважды потерпело поражение: покинув свою Родину, мы сначала начали утрачивать язык, культуру, потеряли своего читателя и слушателя. А потом не состоялись в Америке ни как бизнесмены, ни как представители рыночных американских профессий. Довлатов сам потерпел эти два поражения, он это прекрасно осознавал. И, к слову сказать, не считал себя великим писателем, всегда говорил, что он, прежде всего, – великолепный рассказчик, а не писатель.

□

Наталья ЛАЙДИНЕН

родилась в Петрозаводске.

Писатель, журналист.

Окончила МГИМО МИД РФ.

Кандидат социологических наук.

Автор девяти книг прозы,

трех сборников стихов,

редактор-составитель

нескольких литературных сборников.

Публикует статьи в России и за рубежом.

Член Союза писателей России.

Лауреат литературных премий и наград.

В сети Интернет действует авторский

литературный сайт www.laidinen.ru

Григорий РЫСКИН

родился в 1937 году в Ленинграде. Русский писатель, публицист. В настоящее время проживает в США.

Окончил факультет журналистики ЛГУ. После переезда в США в 1978 году работал

в команде Сергея Довлатова в газете «Новый американец».

Автор двенадцати книг и сотен эссе по проблемам литературы, культуры, эмиграции.

Публикуется в России, США, других странах.

Почетный член Союза писателей России.